

VII

СОЦИАЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА

В первые два года существования Группы «Освобождение Труда» Плеханов заложил основы русского марксизма, тем самым обеспечив себе место в истории России. Тщательно разработанное творение, которое является его важным вкладом, воплощено в основных произведениях тех лет — «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия»¹. Первая, послужившая яблоком раздора с народовольцами в 1883 году, положила начало созданию «Библиотеки Современного Социализма». Эта сама по себе довольно крупная работа примерно год спустя получила развернутое дополнение — «Наши разногласия» (1885). Последняя частично создавалась как подробный ответ на критику предыдущей работы на страницах «Вестника Народной Воли», но в целом представляла собой нечто гораздо большее. Советский историк М. Н. Покровский лишь подтвердил вполне очевидное, отметив, что работа содержит «все почти основные идеи, которыми питалась русская марксистская литература до самого конца XIX века»¹. Можно добавить, что после рокового раскола русской социал-демократии в 1903 году эти же идеи продолжали оказывать огромное влияние на мышление и деятельность меньшевиков. Большевистская фракция во главе с Лениным, при всех произведенных ею значительных поправках, также, в основном, обязана многими своими идеями Плеханову. Что касается самого Плеханова, то на протяжении всей своей последующей жизни он сохранил поразительную верность теоретической системе и практической программе, которые разработал в первой половине восьмидесятых годов.

Форму двух первых крупных марксистских трудов Плеханова определили его собственный прошлый революционный опыт и современ-

¹ За десятилетие, с 1883 по 1893 гг., Плеханов написал множество небольших по объему работ по тем же проблемам. Поскольку, в ряде случаев, они часто содержат более полное освещение отдельных вопросов и краткие формулировки идей, я буду периодически обращаться к ним в данной работе.

ное состояние революционного движения — так как он их понимал. До некоторой степени, в особенности в работе «Социализм и политическая борьба», он ставил задачу дать критический обзор собственного революционного опыта, выявить обстоятельства идеиного развития и последующей метаморфозы. Поскольку за несколько лет он прошел путь от народничества к марксизму, основная часть его внимания, неизбежно, уделена критике народничества. Более того, Плеханов понимал, что время требует подобной критики, потому что большая часть революционеров продолжала придерживаться народнических позиций, что вызвало острый кризис в революционном движении. Он не столько стремился оправдать себя, сколько показать движению выход из кризиса.

«Социализм и политическая борьба» отличается от последовавшей за ней работы как охватом материала, так и сравнительной умеренностью замечаний в адрес народников и народовольцев. Несмотря на прошлые распри, друзья убедили Плеханова смягчить характеристики сторонников терроризма. К тому же он еще не окончательно потерял надежду обратить в свою веру хотя бы некоторых из них. Быть может, они прозреют, если получат возможность спокойно рассмотреть тщательно аргументированное заключение о причинах своих поражений. Неужели они не почувствуют желания принять социал-демократию, если увидят, какие перспективы она открывает для революционного движения? Плеханов стремился не столько олержать верх над «Народной Волей», сколько завоевать ее поддержку собственной позиции, и на этот раз поступился полемическим пылом в угоду такту.

Его высокие оценки прошлых заслуг «Народной Воли» не были вынужденными, Плеханов лишь отдавал им должное. Ей принадлежала великая заслуга открытия «эпохи СОЗНАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ с правительством»². Этот шаг, означавший разрыв с бакунинской аполитичностью народников, весьма существенно способствовал правильному выбору тактики революционного движения. В брошюре Плеханов обозначил задачу их политической борьбы, направленной на завоевание политических прав, как высшую цель его политической программы. Однако он полагал, что «террористы» продолжают придерживаться ряда других идей Бакунина относительно примитивного характера русской общественной и экономической жизни, общины, крестьянства и возможности непосредственного осуществления социалистической революции. Именно в этом Плеханов усматривал воплощенную непоследовательность: борьба за политичес-

скую свободу и подготовка социалистической революции, хотя и не являются изолированными, все же представляют собой движения абсолютно разного порядка и соответствуют двум совершенно разным историческим периодам. И никаким образом невозможно говорить об их совпадении³. Более того, если сторонники террора столь коренным образом изменили свою тактику, если народовольчество представляет собой «всестороннее отрицание народничества» на уровне тактики, то уж конечно следует пересмотреть соответствующим образом и теоретические основы движения⁴. В этой связи он убеждал народовольцев в необходимости «тщательного пересмотра нашего идеологического багажа». В качестве результата, Плеханов рассчитывал на полный отход от бакунистской идеологии и замену ее «современным научным социализмом», единственно способным оправдать и совместить с социалистическими убеждениями начатую революционерами борьбу за политическую свободу.

По-иному оценили его предложения издатели «Вестника Народной Воли». Во втором номере журнала, который вышел в апреле 1884 года, Лавров ограничился скептической оценкой будущего группы; поскольку, по его мнению, позиция Плеханова имела больше недостатков, нежели то движение, которое он критиковал. С оттенком горечи Лавров отказывался от всякого желания вести дебаты с группой, занимающейся нападками на других революционеров вместо борьбы против гнёта российского государства⁵. Однако на этом единодушие редакторов закончилось, и Тихомиров лично дал энергичный отпор плехановской критике⁶.

Тихомиров выдвинул в свою защиту те же народнические доводы, которые когда-то пропагандировал, а теперь находил неприемлемыми Плеханов. Недоступность России для капитализма и всеобщее стремление русских к земле, утверждал он, определяют характер грядущей революции. Это будет не просто политический переворот, который даст буржуазии новые способы «дисциплинировать рабочий класс»; он приведет Россию прямо в царство социализма. Тихомиров предвидел это общественное преобразование (и это составило его собственный вклад в теорию движения) через захват власти революционной партией и последующее использование этой власти в помощь народной революции, которая начнется сразу после переворота.

Переходя в наступление, он обвинил Плеханова в желании создать класс, от имени которого он сможет действовать,— пролетариат, одновременно, благодушно, и даже с одобрением взирая на уничтоже-

нис (путем отказа в предоставлении земли) миллионов уже существующих трудящихся — крестьян. Тихомиров утверждал, что блеск разработанной ими системы так ослепил бывших передельцев, что они готовы даже на союз с ненавистной буржуазией. Будучи не в состоянии представить возникновение социализма кроме как следствия развития капиталистических отношений, сторонники марксизма именно поэтому и говорят о необходимости победы капитализма и буржуазии. Фактически, заключал он, новая группа предлагает отказ от борьбы за социализм, считая это сейчас фантастической задачей, ради того, чтобы помочь обеспечить буржуазии политическое господство.

В «Наших разногласиях» Плеханов подробно разбирает обвинения Лаврова и Тихомирова, обращая острое полемики против последнего. Плеханова возмутила не столько упорная приверженность Тихомирова «устаревшим» взглядам народников, сколько его открытая и недвусмысленная поддержка доктрины заговорщического «захвата власти», что Плеханов рассматривал как отход от революционного народничества семидесятых⁷. Тихомиров просто отказывался признавать то направление деятельности «Народной Воли», которое Плеханов считал ее самым важным вкладом в революционное движение. Вместо того, чтобы отвергнуть бакунистские концепции и согласиться на включение борьбы за конституционный строй в рамки социал-демократического движения, Тихомиров отрицал не только самое движение, но и борьбу за конституцию. Более того, он также отбрасывал единственный, столь высоко ценимый Плехановым, элемент народничества — агитацию в народе за революционное движение масс. Потеря веры в возможность крестьянской революции не привела Тихомирова к социал-демократии с ее опорой на пролетариат. Он по-прежнему придерживался идеи Бакунина о непосредственном социалистическом преобразовании и возлагал надежды на переворот заговорщиков. Бакунизм, вовсе не исчез бесследно, он лишь «описал дугу в 180 градусов и возродился в виде русской разновидности бланкизма, основывающей свои революционные надежды на экономической отсталости России»⁸. Тихомиров предлагал вернуть революционное движение к программе, которую выдвинул Ткачев десять лет тому назад и тогда же наголову разбитую Энгельсом. До такого невероятного положения дошло руководство революционного движения.

«Наши разногласия» высветили глубокую пропасть, которая разделила Плеханова и тех, кого он надеялся вскоре сделать социал-демократами, представив масштабный критический обзор русского рево-

люционного движения вплоть до самой его, как считал Плеханов, последней фазы — народовольчества. Работа содержит глубокий и подробный марксистский анализ условий и событий общественной и экономической жизни России и вытекающими из него социал-демократической программой и тактикой революционного движения. В идеологической конструкции Плеханова просматриваются несколько уровней анализа (курсив — ред.). Последовательное критическое осмысление этих уровней, возможно, сделает более понятными общие черты его позиции.

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ ПЛАН

На историко-философском уровне Плеханов подверг резкой критике ход рассуждений своих оппонентов, приведший к подобному пониманию положения и перспектив развития России и роли и методов революционного движения. Характерно, что он верил в искренность своих идеальных противников и относил практические неудачи за счет слабости в теории. Программа и тактика революционеров, естественно, определялись уровнем их понимания существующих возможностей преобразования общества, а последние, в свою очередь, их видением современного общества в России. Если, как полагал Плеханов, это представление искажено, то все расчетыineизбежно потерпят крах. И, что особенно важно, успех революционного движения зависит от выбора правильного теоретического инструмента, способного дать четкое представление о природе и динамике развития общества. Используя превосходную метафору, направленную против всем известного пристрастия террористов, он убеждал: «Революционная, по своему внутреннему содержанию, идея есть своего рода динамит, которого не заменят никакие взрывчатые вещества в мире»⁹. И провозгласил свой собственный ключ к революционной победе, задав риторический вопрос: «Можно ли серьезно говорить теперь о каком-нибудь другом „анализе общественных отношений“ Западной Европы, кроме анализа, заключающегося в сочинениях Маркса и Энгельса?»¹⁰.

На высшем уровне обобщения самое значительное обвинение Плеханова в адрес противников состоит в их неумении считаться с ходом исторического развития и его законами. Как марксист, он исходит из наличия объективного, закономерного и поэтому познаваемого исторического процесса — процесса, не зависящего от воли человека, с железной необходимостью определяющего границы разумной обще-

ственной деятельности. В его системе институты и явления в каждом отдельном обществе взаимосвязаны, а материальные условия и отношения априорны и определяют философские, правовые и, в сущности, все духовные явления. В частности, он считал экономические силы общества решающими в определении его социальной структуры и идеологической надстройки. В процессе развития изменения материально-го базиса общества дают начальный толчок переменам в его институтах и идеологии. В любой данный момент определенные институты и тенденции развития одного и того же социального строя могут находиться в противоречии, при этом одни формы находятся в состоянии развития, а другие прекращают свое существование. Соответственно, институты и явления можно правильно понять и оценить, только рассматривая их в социальном контексте и в процессе развития. Если общественное движение хочет достичь своих целей, оно должно уловить истинную природу связи компонентов общества и динамику исторического процесса, от которых зависит будущее существование одних идей и групп и исчезновение других. Оно должно признать пределы своего реформаторского пыла, определяемые объективными условиями общества, и ставить только практически выполнимые задачи. Оно должно опираться на те тенденции, институты и группы, которые выдвигает на передний план ход истории. Сам Плеханов охотно признавал обязательный характер объективно существующего детерминизма и соответствующим образом формировал свои задачи и методы. Таким образом, он обрел высшую убежденность в конечном торжестве своих взглядов, ибо ощущал внутреннюю уверенность в том, что мировоззрение его научно, что принципы исторического материализма составляют альфа и омегу самой передовой общественной теории.

Однако противники его, как он полагал, ничего об этом не знают. В своем невежестве они нарушают каждую из заповедей. На словах отдавая дань силе воздействия внешних обстоятельств, народники и народовольцы практически воспринимают социалистическое учение как некую геометрию, которой произвольно может воспользоваться кто угодно и когда угодно, вне зависимости от стадии исторического развития. Не тратя сил на доскональное выяснение конкретных обстоятельств, они просто выдвигают целый ряд необоснованных предположений о перспективах капитализма, коллективизме крестьянства и готовности России к социализму. Вместо того, чтобы изучать факты, чтобы понять, как творилась и творится история, они лишь изобрета-

ют для нее новые пути¹¹, словно судьба народа может решаться произвольно, по прихоти какой-то революционной группы. Фактически они совершили роковую ошибку, пытаясь подменить историческое развитие собственными субъективными идеалами. О Тихомирове Плеханов писал: «Он не заботится о развитии общественных сил, о создании таких учреждений, в результате которых явились бы невозможность возврата к старому режиму... Он не считается с историей, не стремится понять ее законы и направить, сообразно с ними, свою революционную деятельность; он просто заменяет историческое развитие своей конспираторской схоронкой»¹². Построив свои программы на такой шаткой основе, революционеры заплатили за это целым рядом деморализующих провалов. «Законы истории» нельзя игнорировать и нарушать безнаказанно.

По мнению Плеханова, народники семидесятых годов и их последователи-террористы делят меж собой сомнительную славу показательного движения вспять. Их славный предшественник Чернышевский пропагандировал возможность непосредственного перехода России от первобытной общности к «высшей форме коммунизма», минуя промежуточную фазу капитализма. Но он стремился рассматривать крестьянскую общину диалектически, то есть в ее связи с обществом в целом и с учетом ее изменчивости. Теперь Плеханов подвергал сомнению любимые выводы Чернышевского относительно общины, но он ценил метод Чернышевского: он, по крайней мере, признавал, что крестьянская община может претерпеть такие изменения, которые сделают ее непригодной в качестве основы социализма. Однако народники, доказывал Плеханов, для которых Чернышевский был идолом, взяли из его учения лишь букву, но не дух. Не замечая глубоких перемен в русском обществе после освобождения крестьян, они продолжают считать общину нерушимой¹³.

Это заблуждение народников, считал Плеханов, сочеталось с неумением определить те критические сферы общественной жизни, от которых безусловно зависит будущее развитие общества. «Логическое грехопадение» народников, утверждал он, состояло в их неспособности усвоить «понятие о товаре и меновой стоимости... на основании которых только и можно сделать правильное заключение о взаимных отношениях производителей в экономической организации будущего»¹⁴. Народники не сосредоточили внимание на динамике экономики России, а именно она, в конечном счете, и определит будущее страны. По мнению Плеханова, экономическое развитие в России после отме-

ны крепостного права произвело в российском обществе такие перемены, что мечта о социалистическом строем на основе крестьянской общины выглядит просто неисполнимой.

Следующая ошибка народников, указывал Плеханов, коренится в непонимании реальной связи между составными элементами общества. Они верят в свои предсказания относительно общины, потому что, игнорируя необходимость проведения детального анализа реальных внутренних связей в ней, судят о ее фактическом положении по правовым нормам. Тем не менее, учит их Плеханов, на самом деле не правовые нормы определяют характер организации производства, а наоборот; и следует начинать не с правовых норм, а с экономических фактов¹⁵. Для марксиста бытие определяет сознание, а не сознание — бытие.

Далее он обвинял Тихомирова в неспособности уловить процесс развития, в ходе которого отдельные явления носят противоречивый характер, а эти противоречия необходимо принимать во внимание. По мнению Плеханова, вождь «Народной Воли» не сумел понять, каким образом крестьянин одновременно является членом общины и, вопреки своей воле, «неудержимым разрушителем общины»; каким образом можно признавать полезную деятельность капитализма и в то же время организовывать рабочих на борьбу с ним; «как можно отставать принцип колlettivизма и, в то же время, видеть торжество прогресса в разложении одного из конкретных проявлений этого принципа»¹⁶.

Хотя Плеханов и не говорит об этом прямо, его миссия, как он ее понимал, состоит в проведении в России такой же фундаментальной работы, какую Маркс выполнил на Западе несколько десятилетий назад: преобразование социализма, перевод его с «утопической» основы на «научную». Изучение истории революционного движения в предшествующие несколько десятилетий убедило его в том, что этому движению не хватало реализма. Тому, что Плеханов считал субъективным идеализмом народников, он противопоставляет теперь «объективный материализм» марксизма. Раньше он верил в совместимость народничества с марксизмом, а следовательно, и в отсутствие в нем оттенка утопизма; теперь он понял их несовместимость и противопоставил «научность» одного «утопизму» другого. Если прежде, вследствие сравнительно низкого уровня развития общественной и экономической жизни в России, утопическая позиция радикалов казалась понятной и даже необходимой для принятия, то факты экономического раз-

вия после отмены крепостного права, с одной стороны, а с другой — жестокие поражения революционеров под флагом уточнизма, потребовали самого тщательного пересмотра идеиного наследия. Кризис в революционном движении, настаивает Плеханов, нельзя объяснить исключительно жестокостью полицейских репрессий. Русская революция обладает огромной «потенциальной энергией»; неумение преобразовать ее в «кинетическую энергию» происходит от приверженности революционеров тем идеям, которые не могут служить катализаторами этого преобразования¹⁷.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВА

Сущность разногласий между Плехановым и его противниками состояла в том, что их ответы на вопрос «жизни и смерти», который в течение многих десятилетий занимал русских мыслителей, о том, с чем связано будущее России, с капитализмом или крестьянской общиной, были противоположны. С его точки зрения, эта проблема могла быть решена только посредством изучения современного состояния и жизнеспособности общины и возможного воздействия капитализма на нее. Необходимо показать, как развиваются условия жизни в России: способствуют ли они росту и развитию общины или ее упадку и исчезновению; либо помогают проникновению и распространению капитализма, или доказывают его нежизнеспособность в стране. Собственные исследования убедили его в том, что «старые формы нашей народной жизни носили в самих себе много зародышей своего разложения» и что они не могут «развиться в высшую коммунистическую форму»¹⁸ при существующих условиях. Напротив, замечает он, община находится в состоянии распада, а капитализм «может стать и... становится полновластным хозяином России»¹⁹. Плеханов осторожно указывает на то, что капитализм еще не победил окончательно, однако ход его рассуждений не оставляет сомнений относительно конечного торжества нового уклада в результате необратимых процессов, которые уже начались.

Плеханов признавал факт необыкновенной устойчивости крестьянской общины в России до отмены крепостного права. Он считал это сопутствующей характеристикой довольно статичной, чтобы не сказать застойной, дореформенной экономической системы. Эта система характеризовалась господством самодостаточного натурального хозяйства²⁰ с минимумом обмена, а следовательно, и денег как сред-

ства обмена. В условиях такой формы хозяйствования мириады изолированных сельскохозяйственных общин воспроизводились с регулярностью времен года и давали своим членам средства к существованию. Но они не обладали внутренней динамикой развития, а отсутствие внешних контактов не вынуждало их к коренным переменам. Короче говоря, Россия представляла собой то, что мы сейчас называем традиционным, аграрным обществом.

Однако освободительные реформы Александра II, которого Плеханов называл «царем буржуазии»²¹, открыли дорогу к распаду старого строя. За реформенными указами, пишет он, последовал целый ряд денежных спекуляций, создание банков и акционерных обществ, строительство железных дорог. Эти нововведения способствовали значительному расширению способности к производству и обмену; они неизбежно содействовали возникновению денежной экономики, неотъемлемой базы капитализма. Более того, в поисках увеличения доходов государство укрепляло эту тенденцию, поддерживая все мероприятия по увеличению денежного обращения в стране и ускорению пульса общественной и экономической жизни²². Плеханов считал весьма неубедительными доводы экономиста Воронцова, на которые опирался Тихомиров, относительно невозможности капиталистического развития в России. Воронцов выдвигал идею нежизнеспособности капитализма в России, мотивируя свое положение ограниченностью числа рынков для него, и не видел возможности успеха в борьбе с более передовыми промышленными странами за рынки за рубежом. Плеханов находил решение первой из этих проблем, указывая, что переход «всякой страны от натурального хозяйства к денежному необходимо сопровождается огромным расширением ее внутреннего рынка», который несомненно будет захвачен русской буржуазией²³. Что касается второй проблемы, то история показывает, что странам, сравнительно поздно вступившим на путь капиталистического развития, все же удалось получить часть международного рынка. Он полагал, что русские предприниматели уже следуют примеру своих коллег на Западе²⁴. Тот факт, что русское правительство оказывает помощь национальному капитализму, едва ли может служить доказательством банкротства последнего, ибо большинство государств Запада тоже поддерживают своих капиталистов субсидиями и протекционистскими мерами.

Плеханов приводит не оставляющие места сомнению доказательства наличия капитализма в России. Но при этом не делает лишних заявлок. Например, в «Наших разногласиях» он пишет, что капитализм

глубоко проник в текстильную промышленность, однако находится в самом начале пути в других областях. «Главный поток русского капитализма,— признает он,— пока еще невелик; еще не много таких мест в России, где отношения нанимателя к работнику совершенно соответствовали бы общераспространенному представлению об отношениях труда к капиталу в капиталистическом обществе»²⁵. Он считает заниженной цифру в 800.000 рабочих в России, которую дает Тихомиров, и приводит другие данные, также не очень внушительного уровня²⁶. Но он, во всяком случае, полагал, что вопрос о капитализме в России нельзя решить, принимая во внимание лишь уровень его развития в каждый отдельный момент; или глубину проникновения в ту или иную отрасль промышленности; или числа рабочих в данный момент. Все дело было в общем направлении экономического развития.

Сам Плеханов был уверен, что капитализм успешно развивается и в промышленности, и в сельском хозяйстве. Ход его развития в промышленности он иллюстрирует на примере судьбы крестьянина-ремесленника, связанного с надомным способом производства товаров, который народники считали оплотом против наступления капитализма. Многие из них, утверждает Плеханов, сохраняют видимость свободных фермеров, хотя в действительности их зависимость от капитала «едва ли меньше, чем зависимость любого бездомного фабричного рабочего». То, что ремесленник не работает на фабрике и поддерживает видимость ведения сельского хозяйства, отнюдь не свидетельствует о его экономической независимости. Предприниматель согласен доставлять сырье из дома этим рабочим-крестьянам, а не загонять их на фабрики потому, что ему это выгодно. Если крестьяне живут на земле и получают от нее какой-то доход, капиталист может платить им за работу невероятно мало. Но часто крестьянин-ремесленник не мог уделять достаточно внимания обоим источникам дохода и, как правило, забрасывал сельское хозяйство. Когда крестьянское хозяйство приходило в упадок и приходилось повышать заработную плату работникам, нанимателю оказывалось выгоднее собирать их на фабрики, где специализация и разделение труда способствовали повышению его производительности²⁷. Таким образом, надомничество уступало место фабричному производству, а крестьянин-ремесленник становился пролетарием. Что касается мелких предпринимателей, большинство неизбежно вытеснялось с внедрением машин. Следовательно, заключает Плеханов, «капитализм идет своей дорогой, выбивает самостоятельных производителей из их непрочных позиций и создает

в России армию рабочих тем же самым испытанным способом, какой уже практиковался им „на Западе”²⁸.

Крестьянские общины, утверждает он, также не избежали воздействия наступающего капитализма. Среда натурального хозяйства была благоприятна для стабильности общины, но замена ее противоположной системой — денежной экономикой — должна была совершить переворот в ней. По мнению Плеханова, развитие денежной экономики вызвало острые противоречия между этим древним институтом крестьянства и его окружением, которые разрешаются посредством распада общины. Он считал деньги динамической силой, постоянно расширяющей сферы своего влияния, повсеместно разрушающей натуральное хозяйство и способствующей развитию специализации производства и обмена продукцией производства. Следовательно, при нормальном ходе событий денежная экономика будет неизбежно проникать в сферу общинной жизни. Но на практике, считает он, общиноное крестьянство вступило *непосредственно* в сферу денежной экономики в ходе отмены крепостного права.

Крестьянам была выделена земля, за которую они должны были уплатить компенсацию в денежной форме. Чтобы получить эти средства, они были вынуждены включиться в товарное производство, то есть в производство продуктов на обмен²⁹. Это потребовало сосредоточить усилия на выработке одного или нескольких видов продукции, которые можно продавать на рынке за наличные деньги, а также на покупке на рынке тех предметов для крестьянской семьи, на производство которых она уже не имела ни времени, ни места. Таким образом, условия отмены крепостного права вызвали переход от самодостаточного натурального хозяйства к экономике, основанной на денежных отношениях и товарном производстве. Конечным результатом этого процесса, по мнению Плеханова, будет уничтожение общины и победа капитализма в сельском хозяйстве России.

Ибо, как он считал, введение товарного производства составляет лишь первый шаг на пути к капиталистическому производству. Со временем товарное производство по «внутренней, неизбежной диалектике» превращается в капиталистическое; «на известной стадии своего развития товарное производство ведет к эксплуатации производителя, создает капиталиста-предпринимателя и пролетария-работника»³⁰. Тот диалектический процесс, о котором Плеханов пишет, представляет собой прогрессивную дифференциацию в экономическом базисе по сравнению с тем временем, когда на рынке конкурировали

отдельные производители. В его описании эта дифференциация, наконец, выражается настолько отчетливо, что одни производители становятся капиталистами, а другие — пролетариями. Такова будет, в конечном счете, судьба общинного крестьянства, считает Плеханов³¹; и он может уже представить убедительные доказательства, предвещающие этот исход. Эти данные, в основном, являются собой признаки роста неравенства и индивидуализма среди общинного крестьянства, что Плеханов рассматривал как отрижение традиционных для общины принципов уравнительства и коллективизма. С одной стороны, значительное число крестьян потеряло, или находится в процессе утраты способности обрабатывать свои земельные наделы и отдает их другим, полагаясь на наемные заработки для удовлетворения своих потребностей; с другой стороны, возникает зажиточный класс крестьянства, который, кроме своих собственных, обрабатывает наделы еще одного или нескольких крестьян, покупает либо арендует еще землю и нанимает работников³².

Плеханов полагал, что хотя юридически еще сохранялась общинная собственность на землю и возможность предполагавшегося периодического ее передела между членами общины, для ее развития это уже не имело значения. Он указывает на упадок, а часто и полное прекращение практики периодического передела земли как на неопровергнутое доказательство роста индивидуализма внутри общины, служащего предвестником окончательного перехода общинных земель в частную собственность отдельных лиц. При денежной экономике земля тоже становится товаром, и приведение правовых форм в соответствие с экономической реальностью является лишь вопросом времени; эти нормы будут изменяться до тех пор, пока платежеспособность — принцип денежной экономики и капитализма — не станет основой владения и распоряжения землей.

Противоречия между традиционными общиными принципами и динамикой постформенного развития настолько обострились, считает Плеханов, что сохранение общины уже не отвечает интересам большинства крестьянства. Бедняк, который не может обрабатывать свой участок из-за недостатка средств, не может избавиться от него по причине трудности отчуждения. Если он оставляет общину и идет на зарплату, он все равно должен платить общинные налоги. Зажиточные крестьяне, в соответствии с общенным принципом «коллективной ответственности», вынуждены платить налоги за тех, кто не может собрать достаточно средств. Принцип периодического передела работа-

ст против гарантированного права на землю, необходимого для плавного прироста капитала. Кроме того, члены общины не могут вводить более совершенные методы ведения сельского хозяйства, потому что, когда для этого требуется менять графики сева, обработки и так далее, снова оказывается, что более состоятельные крестьяне действуют вопреки обычаям общинам³³.

Плеханов считал, что только середняк безоговорочно одобряет общину. Однако он признавал, что все крестьяне относятся к ней не вполне однозначно. Конечно, примеры фактического перехода общинной собственности в частную или наследование еще сравнительно немногочисленны: «В силу привычки, предания, а частью и сознательного убеждения» крестьяне склонны «сохранить старый КОЛЛЕКТИВНЫЙ принцип ВЛАДЕНИЯ землей, после того как способ ПРИОБРЕТЕНИЯ этой земли стал всецело основываться на новом, денежном, ИНДИВИДУАЛИСТИЧЕСКОМ принципе»³⁴. Но все же, продолжает он, такие субъективные элементы могут только отдалить падение общины и рост капитализма; помешать его окончательной победе они могут не более, чем это удалось до них цехам на Западе.

В работе «Социализм и политическая борьба» Плеханов выдвигает доводы в пользу неминуемого краха общин, но при этом с явным одобрением приводит весьма сочувственно высказывание Маркса относительно использования этого института в качестве основы социалистического сельского хозяйства. Пожалуй, ссылку на Маркса можно считать тактическим маневром, призванным обезоружить сторонников народничества, которых он все еще надеялся привлечь на свою сторону. В «Наших разногласиях» никаких маневров уже нет³⁵. Те весьма зыбкие шансы на возможность сохранения общин, о которых он писал ранее, в этой работе практически сведены к нулю. «„Положение 19 февраля“ выбило общину из устойчивого равновесия натурального хозяйства и предало ее во власть всех законов товарищего производства и капиталистического накопления»³⁶. Поскольку все «принципы... современной экономической жизни находятся в непримиримой вражде с общиной»... «надеяться на ее дальнейшее самостоятельное „развитие“ так же странно, как странно надеяться на долговечность и дальнейшее размножение вытащенной на берег рыбы»³⁷.

На будущее Плеханов предсказывает распад общин, концентрацию земельной собственности в руках зажиточных фермеров и рост концентрации большинства видов сельскохозяйственных работ в крупных, механизированных капиталистических предприятиях. Одновре-

менно с этим предвидит возникновение многочисленного класса безземельных крестьян, сельских пролетариев, вынужденных продавать свой труд капиталистам в сельском хозяйстве и промышленности. Что касается промышленного сектора экономики, Плеханов предполагает продолжение роста производительных сил, вытеснение мелких предпринимателей и концентрацию производства на сравнительно немногочисленных крупных предприятиях.

Для народников выводы из такого представления о настоящем и будущем России очевидны. Они утешаются иллюзиями о своеобразии развития России, минующей стадию капиталистического развития, но, как заявляет Плеханов, нужно только открыть глаза, чтобы увидеть, что капитализм уже возник, что каждый месяц он одерживает все новые победы, и что нельзя его остановить или приказать ему сгинуть. Игнорировать этот очевидный аспект развития России и основывать свои социалистические убеждения на погибающей деревенской общине и патриархальном крестьянстве — верх нелепости. Если революционное движение хочет добиться успеха, оно должно исходить из роста обобществления производства и труда в городе и деревне и увеличения численности пролетариата, революционного класса эпохи капитализма.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ: СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Плеханов считал социалистическую революцию одновременно кульминацией длительной экономической эволюции и последней стадией классовой борьбы, возникающей в ходе этого экономического развития и ведущейся вплоть до ее завершения на политической арене. Поскольку социалистическая революция предполагает достаточно длительную предшествующую эволюцию, совершенно бессмысленно полагать, что социализм можно достигнуть, минуя целую стадию истории. Он мог бы согласиться с мнением, что общественная история народа похожа на естественную историю отдельного человека тем, что сравнительно отсталое общество не более способно принять самый прогрессивный вид общественной организации, чем ребенок может по собственной воле стать взрослым. «Объективные условия» для «социалистической организации производства» никоим образом не могут быть достигнуты при докапиталистической системе, существование которой в России провозглашали народники; они закладывают-

ся в ходе того самого капиталистического развития, которое они так хотели миновать.

Экономическая предпосылка для социалистических преобразований, в понимании Плеханова, есть не что иное, как высокоразвитая капиталистическая система. Экономика, созревшая для превращения в социалистическую, должна иметь огромный объем производительных сил, организованных в крупные и взаимосвязанные предприятия и таким образом представляющих материальное воплощение обобществления производства и труда в крупных масштабах. Такие организационные модели как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, готовят почву для важного шага в социалистической программе — обобществления средств производства³⁸. Как мы уже видели, Плеханов считал, что динамика экономического развития России направлена на достижение этой цели.

Мы также могли видеть некоторые черты коренного преобразования общественной структуры России, которое Плеханов считал неотделимым от этого экономического процесса. Он однажды заметил, что в мелкобуржуазной стране экономическое освобождение масс произойдет не раньше, чем группа мелких производителей, составляющих большинство населения, будет заменена двумя резко антагонистическими классами³⁹. Продвижение капитализма в России постепенно выполняло эту задачу, поднимая одних до положения буржуа и лишая самостоятельности бесчисленное множество крестьян и ремесленников, вынуждая их вступать в армию пролетариев, которая будет обслуживать крупные промышленные и сельскохозяйственные предприятия будущего. Таким образом, в самом ходе своего естественного развития, капитализм приближается к своей гибели, неизбежно увеличивая ряды пролетариата — класса, избранного историей для его свержения. Употребляя термин «пролетариат», Плеханов имел в виду постоянных, bona fide [настоящих — лат.] фабричных рабочих, порвавших все связи с землей. Однако время от времени он также называет сельский пролетариат (бездемельных сельскохозяйственных работников) и беднейшие слои крестьянства (т. е. полупролетариев) союзниками заводских рабочих в социалистической революции.

Есть серьезные основания полагать, что Плеханов надеялся, что эта коалиция, при нормальном ходе событий, составит большинство населения к моменту социалистической революции. Это предположение согласуется с его представлением об экономическом строе, сложившимся в России к тому времени. Если этот порядок будет вопло-

щен в жизнь, то пролетариат и его союзники неизбежно окажутся в большинстве. Однако само по себе это большинство еще нельзя рассматривать как достаточную гарантию революции. Основной принцип мировоззрения Плеханова гласит: «освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих», но сначала рабочий класс должен понять, каковы причины его эксплуатации и какие шаги необходимо предпринять для освобождения от нее. Только обогащенный классовым сознанием и объединенный в действенную политическую организацию, он сможет выполнить свою историческую задачу. И в этом отношении также, по мнению Плеханова, капитализм способствует созданию условий для собственного окончательного уничтожения; ибо «параллельно с развитием производительных сил и соответствующей им организации производства» идет подготовка сознания пролетариата к социалистической революции⁴⁰. Принципы научного социализма, утверждает он, есть не что иное как обобщение повседневных условий жизни рабочих, объяснение законов, определяющих их роль и долю в производстве. Поэтому рабочим будет не трудно понять действенность этих принципов.

В этом месте в системе Плеханова возникает серьезное противоречие. До сих пор его позиция ясно указывала, что рост пролетарского сознания будет «естественному» и неизбежным спутником капиталистического развития. Но он не делает такого заключения. Он не указывает, что рабочие способны самостоятельно обрасти социалистическое сознание, сделать социалистические выводы из собственного опыта капиталистического производства. Скорее, Плеханов отводит эту решающую роль социалистической интеллигенции. На нее возлагается задача направить революционные чувства, которые порождают в рабочих капиталистическая система, в социалистическое русло. Социалистическая интеллигенция, пишет он, «должна стать руководительницей рабочего класса в предстоящем освободительном движении, выяснить ему его политические и экономические интересы, равно как и взаимную связь этих интересов, должна подготовить его к самостоятельной роли в общественной жизни России. Она должна всеми силами стремиться к тому, чтобы, в первый же период конституционной жизни России, наш рабочий класс мог выступить в качестве особой партии с определенной социально-политической программой»⁴¹. Плеханов был убежден, что перспектива освобождения при социалистической организации производства найдет положительный отклик у рабочих⁴². Однако для получения этого отклика, для пробуждения клас-

сового сознания пролетариата необходима работа социалистической интеллигенции. Поэтому ее работа есть обязательное звено в цепи условий осуществления социалистической революции.

Концепция пролетарского сознания как необходимого результата пролетарского опыта при капитализме соответствовала тому, что Плеханов считал основным положением марксизма: бытие определяет сознание. Однако это положение не выдерживает критики, если социалистической интеллигенции приходится пробуждать пролетарское сознание. Возникает и другое затруднение в связи с деятельностью интеллигенции. Как может она подняться до социалистического сознания, если учесть, что при капитализме обстоятельства жизни ее и пролетариата совершенно различны? Плехановская система предполагает, что непролетарский элемент пробудит в пролетариате пролетарское сознание! Его формулировка чревата несчетными проблемами. И они возникали снова и снова, во всех идеинных спорах и политических конфликтах, которыми отмечен путь Плеханова.

Обретая классовое сознание с помощью интеллигенции, пролетариат готовился к классовой борьбе против своих угнетателей-капиталистов, от которых никак нельзя было ожидать сдачи собственных позиций при существующем порядке без борьбы. Но, заявляет Плеханов, «всякая классовая борьба есть борьба политическая»⁴³. Неважно, что разногласия между пролетариатом и буржуазией возникли в сфере экономики. Пролетариат, как и всякий класс, стремящийся к достижению общественных целей, должен бороться за политическое господство. Политическая власть — необходимое средство осуществления общественного переустройства. Политическая борьба отнюдь не безразлична пролетариату, это для него самое эффективное средство социальной самопомощи. По этой причине, классовая борьба пролетариата стала *сознательной*, — т. е. разумно направленной на достижение своих целей — до такой степени, что приобрела *политический* характер. В противоположность ей, слепые бунты, не опирающиеся на политическую и социальную реальность, ни на шаг не продвинут вперед дело социализма. Не простая случайность заставила Плеханова в самом начале марксистского этапа его пути объединить пропаганду марксизма и образование элементов российской рабочей партии в качестве двух задач Группы «Освобождение Труда». Посредством политической деятельности пролетариат должен содействовать свержению самодержавия; а впоследствии, снова через политическую борьбу

— на этот раз против буржуазии — пролетариат, наконец, освободит себя.

И в свете такой концепции социалистической революции Плеханов увидел мечты народников и террористов как чистую фантазию. Они были полны деклараций о возможности немедленной социалистической революции, однако в соответствии с его критериями, «объективные общественные условия производства» еще далеко не «созрели» для создания социалистической экономики. Он соглашался с тем, что Россия в этом отношении далеко опережает такие страны, как Индия, Персия и Египет; но не может идти ни в какое сравнение, а тем более опережать, развитые страны Запада⁴⁴. Упадок общинны исключает возможность построения социализма на ее основе. А капитализм в России еще не успел создать экономические условия и общественные силы для социалистической революции.

Плеханов уверен, что ни крестьянская революция, ни захват власти революционной партией не имеют никаких шансов на успех, но при этом, чтобы еще раз доказать свою правоту, готов допустить такую возможность. Предположим, одно из этих событий произошло, какие шаги необходимо предпринять, спрашивает он, для реорганизации политической и общественной жизни в России? В качестве ответа он указывает, что выбор действий неизбежно определяется социальным характером революции; независимо от того, будет ли революция совершина крестьянами или революционной кликой, единственным возможным следствием будет крестьянская программа. Тогда все будет зависеть от реальных устремлений крестьянства. Однако вся его сплоченность, утверждает Плеханов, основана не на общем убеждении относительно необходимости социалистической организации производства, а на желании поделить землю. Такой («Черный передел») земли, подчеркивает он, не может считаться социалистической программой. Кроме всего прочего, эта реформа не затрагивает существенно важной области товарного производства, обеспечивающей воспроизводство экономической дифференциации и рост новых корней капитализма⁴⁵. В действительности, настаивает он, «экономическое освобождение рабочего класса будет достигнуто лишь путем перехода в коллективную собственность трудящихся всех средств и продуктов производства и сообразной с общественными потребностями организации всех функций социально-экономической жизни»⁴⁶. Поскольку сельское население не сочувствует таким задачам, да и не может сочувствовать ввиду отсутствия высокой степени обобществления производ-

ства, разговоры о христианской социалистической революции совершенно бесплодны.

Плеханов считал, что революционная интеллигенция сознает необходимость уничтожения товарного производства не более, чем крестьяне, от имени которых она якобы выступает. Но даже, если бы она уловила это соображение первостепенной важности, она бессильна что-либо сделать. Как он выражался: «...декретами не создать условий, чуждых самому характеру современных экономических отношений»⁴⁷. Один революционный комитет, заключает он, бессилен преодолеть то мощное сопротивление, которое окажут крестьяне планам социалистического преобразования, почти или вовсе не связанным с объективными условиями общественной и экономической жизни. Небывало пророческим оказалось его предположение о том, что, захватив власть и увидев несоответствие задач народа своим социалистическим планам, революционный комитет может, тем не менее, пожелать сохранить руководство. Однако, если он пожелает организовать производство в стране при отсутствии как объективных условий для обобществления, так и одобрения народа, тогда ему придется «искать спасения в идеалах „патриархального и авторитарного коммунизма“, внося в эти идеалы лишь то видоизменение, что, вместо первавинских „сынов солнца“ и их чиновников”, национальным производством будет заведывать социалистическая каста»⁴⁸.

Когда-нибудь в будущем часть сельского населения — пролетарские побочные продукты распада патриархального крестьянства — вполне может сыграть положительную роль в социалистической революции. Но при существующих обстоятельствах Плеханов склонен был рассматривать крестьянство как негативный фактор, не только по отношению к социализму, но и к прогрессивным задачам вообще. По его мнению, экономический прогресс принял форму постепенного продвижения от мелкобуржуазного к крупномасштабному буржуазному производству, а затем и к социалистическому. Однако устремления крестьян не простирались далее мелкобуржуазного горизонта. Их вполне устраивало товарное производство и система прибылей; но, в то же время, они противились движению к крупному капиталистическому производству, заложенному в систему товарного производства. Всегда и всюду сражаясь с крупной буржуазией, они делали это не ради

⁴⁷ Ссылки на деспотизм инков, см. работу: Metraux A. The Inca Empire—Despotism or Socialism // Diogenes. 1961. № 35.

социализма, а ради сохранения собственной неустойчивой системы мелкого производства, которой постоянно угрожало победное продвижение капитализма. Для Плеханова идеал мелкой буржуазии был реакционной утопией. Этот идеал требовал прекращения экономического развития, от которого, в конечном счете, зависит весь прогресс. Этот идеал стремился к соединению несовместимого — товарного производства и сохранения мелкого производителя. Сама иррациональность устремлений крестьянства исключала надежду на него как на революционную силу⁴⁹.

Плеханов считал этот вывод неопровергимым в плане ориентации крестьян на постановку и решение политических вопросов. Действенный революционный класс, по его определению, обладает высокой политической сознательностью и организованностью. Но в крестьянских массах не было «ни одного луча политического сознания». Безусловно, в этом отношении российский пролетариат тоже оставляет желать лучшего. Однако собственный опыт работы Плеханова-народника среди заводских рабочих внушал ему представление об их готовности «отозваться на призыв революционеров». В самом деле, многие передовые пролетарии уже выдвигали политические требования, когда большая часть революционной интеллигенции все еще испытывала сильную неприязнь к политике. С другой стороны, в крестьянстве настолько преобладали, по мнению Плеханова, «политическое безразличие и умственная отсталость», что он считал его одним из главных исторических бастионов царского деспотизма. Так далеки были они от политических реальностей, что иногда объясняли действия революционеров в своей среде интригами дворян и чиновников. При таких обстоятельствах крестьяне вполне могли пойти за контрреволюционерами на свержение временного правительства, созданного в результате заговорщического переворота⁵⁰.

Суровость плехановского приговора крестьянству, несомненно, во многом объясняется его размышлениями по поводу Чигиринского дела. Его подозрительное, чтобы не сказать враждебное, отношение к этой социальной группе получило полное подтверждение в трудах Маркса, особенно в его порицании «идиотизма деревенской жизни». Тем не менее, даже считая крестьянство обреченным на гибель в ходе экономического развития, Плеханов просто не смог совершенно сбросить со счетов класс, составляющий четыре пятых населения России. Пришлось найти неудобный и неудачный компромисс: не отвергая крестьянство окончательно, не отводить ему значительной роли в об-

щественном движении, соответствующей его величине. Снова и снова указывает Плеханов на значение крестьянства для революционеров и революции. Однако совершенно ясно, что крестьянство не является предметом постоянного и первостепенного интереса для Плеханова, независимо от того, идет ли речь о первой или второй революции.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ: БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Если Россия не может перескочить через капитализм и буржуазную демократию в царство социализма, рассуждает Плеханов, то многократно обсуждаемые различия между Россией и Западом практически лишены серьезных оснований. На Западе развитие капитализма проложило дорогу к свержению абсолютизма и созданию конституционного выборного правительства, которым управляла буржуазия. Поскольку Россия тоже вступила на капиталистический путь, весьма вероятно, что сначала в ней произойдет именно такая революция, а не социалистический переворот. «Европеизация русской общественной жизни» — выражение, которое Плеханов употреблял для описания капиталистического развития и сопутствующего общественного преобразования в России, — зашла достаточно далеко, чтобы обеспечить «европеизацию» политической системы России. Трезво мыслящие революционеры не ошибутся, поставив первым пунктом программы задачу свержения самодержавия.

Занимая такую позицию, Плеханов, очевидно, полагал, что основы российского самодержавия разлагаются. Они были представлены малоподвижной системой сельского натурального хозяйства, множеством самостоятельных, изолированных общин, в основном, крестьянским составом населения, пассивностью и социальной неподвижностью крестьянства, столь характерными для традиционного общества. Вторжение капитализма означало эрозию и конечный распад основ старого порядка. Капиталистическое промышленное производство укрепило города. В городе и в деревне, в результате распада общин, появились классы буржуазии и пролетариата, которые, в отличие от крестьянства, исторически, как это было в странах Западной Европы, стремились к завоеванию гражданской и политической свободы. Одновременно с заменой статичной экономики динамичной неповоротливое крестьянство заменялось более сознательными и активными группами. Эти перемены превратили политический строй России в

анахронизм, все менее и менее соответствующий новому общественно-экономическому порядку.

Плеханов полагал, что неминуемое падение самодержавия предопределено его почти полным антагонизмом всему существующему укладу. Даже большая часть дворянства, считал он, несогласна с царем, а власть перешла в руки клики «крепостников, ханжей или честолюбцев»⁵¹. Он здесь говорит о «естественному» столкновении интересов различных социальных групп с сохраняющим господство самодержавным режимом правления. Однако в качестве активных сил его уничтожения он, в основном, полагается лишь на два класса — буржуазию и пролетариат. Несмотря на все выгоды в грядущей революции, крестьянство, из-за умственной ограниченности и незнания политических реалий, не может встать в ряды революционных сил. С другой стороны, понимая, что крестьянская инертность способствует сохранению самодержавия, Плеханов все же не думает, что крестьяне будут защищать царя в случае революции. Что касается нового среднего класса: «Наша буржуазия переживает теперь важную метаморфозу: у нее развились легкие, которые требуют уже чистого воздуха политического самоуправления, но, в то же время, у нее не атрофировались еще и жабры, с помощью которых она продолжает дышать в мутной воде разлагающегося абсолютизма. Корни ее сидят еще в почве старого режима, но верхушка ее достигла уже развития, указывающего на необходимость и неизбежность пересадки»⁵². В годы создания «Наших разногласий» и еще более настойчиво в последующие годы Плеханов указывает на благосклонность русского правительства к различным группам капиталистов. Тем не менее, он обращает внимание на коренную несовместимость интересов буржуазии и самодержавия. Углубление конфликта уже вынудило значительные слои этого класса осознать, что «добиваться политических прав» «необходимо для их благосостояния».

Плеханов рассматривал неограниченную государственную власть как тяжкое ярмо для буржуазии, хотя он и привел мало тому доказательств. Она навязывает предписания, губительные для предпринимательства. Она упорно стремится возродить определенные элементы уже лишенного законной силы крепостничества, которые лишь нанесут урон интересам буржуазии. Однако самый существенный вред буржуазии наносит финансовая политика государства⁵³. Непрестанное давление государства, утверждает он, довело крестьянство до такого обнищания, что оно все менее способно удовлетворять потреб-

ности государственной казны. Казна пуста, долги растут, существующая финансовая система не дает возможности с ними расплатиться, и, чтобы избежать банкротства, государству остается только одно — апеллировать к «обществу». Здесь, как позднее выразился Плеханов, представители буржуазии могли бы выступить как борцы «за справедливость и права человека»⁵⁴. Очевидно, на ход его мыслей оказали существенное влияние события, приведшие к Французской революции. Он считает, точно так же, как и во Франции 1789 года, что буржуазия требовала бы раздела власти с монархом через законодательное собрание в обмен на финансовую поддержку.

Предсказывая буржуазную революцию и переход политического господства к буржуазии, Плеханов весьма сдержанно оценивает ее революционные качества. Буржуазия может, считал он, сделать определенный вклад в революцию, но не способна взять инициативу на себя; и нельзя ожидать от нее длительной революционной активности⁵⁵. Ее покорность и явную трусость он объясняет недостаточным развитием как класса, что являлось отражением отсталости экономики России. Это состояние незрелости внушает буржуазии сознание собственного бессилия перед мощной государственной машиной. По этой причине можно ожидать, что она бросит вызов самодержавию только тогда и в том случае, если соберется массовая оппозиция, готовая сражаться против самодержавия и имеющая хорошие шансы на победу. Даже в ходе победоносных «буржуазных» революций на Западе, замечает Плеханов, решающие удары наносила не буржуазия, а «народ». Если в 1830 и 1848 годах французская буржуазия осмелилась открыто перейти на сторону революции только после того, как рабочие вздвинули баррикады, то свержение российского самодержавия немыслимо без активного участия пролетариата. Снова и снова Плеханов повторяет: «Одна лишь рабочая партия способна разрешить все те противоречия...»⁵⁶.

Для него не было вопроса о желательности пролетарской поддержки в борьбе против самодержавия. Поскольку буржуазно-демократический строй, вне всякого сомнения, будет для России шагом вперед, любая группа, выступающая против освободительной борьбы буржуазии, тем самым становится «ОРУДИЕМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ РЕАКЦИИ»⁵⁷. Пролетариат не должен им стать. Но Плехановальным образом не желает, чтобы он становился «слепым орудием либералов». Называя грядущую революцию в России «буржуазной» революцией западного образца, он, тем не менее, стремится

достичь у себя на родине несколько иных результатов. Все должно произойти таким образом, чтобы рабочий класс, в отличие от своих товарищей на Западе, получил достойное вознаграждение за оказанную им поддержку. Проблеме соотношения интересов буржуазии и пролетариата в их общей борьбе против самодержавия Плеханов всегда придавал большое значение в разрабатывавшейся им стратегии революции.

В западноевропейских революциях первой половины девятнадцатого века рабочие выступали под руководством либеральной буржуазии. Они считали, что программа либералов выражает их интересы и, в случае успеха, очистит существующий строй от источников их собственных бед. При четком осознании своих интересов у одной партии революционной коалиции и достаточно ясных устремлениях другой, исход сотрудничества было легко предсказать. Рабочие внесли решающий вклад в победу, а буржуазия заняла ее плодами, оставив рабочих ни с чем. Если русские рабочие хотят избежать судьбы пролетариев Запада, они должны выступать под руководством социал-демократов и как самостоятельная сила с *собственными классовыми интересами*⁵⁸. Задача социалистической интеллигенции — вести социалистическую пропаганду и организовать рабочих так, чтобы они боролись против самодержавия, полностью сознавая собственные интересы и наилучшие пути их достижения. Ибо, как завоевание политической свободы было немыслимо без активного участия пролетариев, так и защита их классовых интересов немыслима без их осознания самими рабочими.

Только такая, обладающая классовым сознанием сила может избежать многочисленных ловушек на своем пути. Рабочие должны отвергнуть абсурдные положения тех, кто, подобно народовольцам, стремится совместить во времени две разных революции — буржуазную и социалистическую. Они должны дать отпор попыткам либералов вовлечь их в политическую борьбу, намеренно скрывая от них значимость «жгучего экономического вопроса». В случае, если возникнет правительство, гарантирующее им материальное благосостояние, но не политические права, они должны отказаться от положения, делающего их «СЫТЫМИ РАБАМИ, ХОРОШО ОТКОРМЛЕННЫМ РАБОЧИМ СКОТОМ»⁵⁹. Равным образом они должны остерегаться перевеса политической или экономической борьбы, сознавая их взаимную связь и маневрируя «между Сциллой и Харибдой, между политической реакцией государственного социализма и экономическим шарлатанством либеральной буржуазии»⁶⁰.

Большую часть тактических премудростей, которые внушал пролетариату Плеханов, излагал Маркс в своем выступлении немецким коммунистам 1848 года. Рабочие должны оказывать буржуазии поддержку, пока она остается революционной; в то же время они не должны питать иллюзий относительно связи своих интересов с интересами буржуазии. Тогда пролетариат будет застрахован от утопических надежд на первую революцию, понимая, что конечная цель социализма будет достигнута лишь в ее продолжении. Сознавая связь между буржуазной революцией и социализмом, рабочие должны стремиться получить в ходе первой революции те права, которые дадут им возможность после ее начала защищать свои интересы и более свободно и действительно выполнять свою конечную задачу.

Если падение самодержавия произойдет таким образом, утверждает Плеханов, российский пролетариат соберет богатый урожай экономических и политических благ. Он отказывался признать обвинение Тихомирова в том, что социал-демократы служат интересам буржуазии. Если марксисты готовы сражаться бок о бок с буржуазией, то не ради капиталистов, а ради пролетариата. Политическая свобода нужна не только буржуазии, но и рабочим. Более того, та форма поддержки, которую собираются оказать буржуазии социал-демократы, полезна для ее нынешних интересов, но враждебна будущим. Она предполагает внедрение в рабочий класс того классового сознания, от которого зависит будущее русского социализма. Эта поддержка включает организацию рабочего класса не только для ведения политической борьбы против самодержавия, но и за социализм. В этой формуле заключен самый действенный способ служения интересам рабочего класса.

При буржуазно-конституционном строе рабочие-социалисты получают гражданские права, дающие им возможность организоваться, не боясь преследований, и распространять свои взгляды устно и в печати. При наличии демократической конституции они смогут открыто создать рабочую социалистическую партию, выражая свои взгляды, распространяя их посредством пропаганды, политического давления и законодательных мероприятий. Плеханов, несомненно, предвидел организацию профессиональных союзов, способных обеспечить фабричным рабочим лучшие условия и оплату труда. Таким образом, а также с помощью законодательных мер, рабочие смогут рассчитывать на лучшую долю. Если посмотреть на этот вопрос с точки зрения долговременных интересов, большим преимуществом пролетариата в буржу-

азной революции может стать «возможность политического развития и воспитания». Для Плеханова же «политическое воспитание» было «неотъемлемой предпосылкой экономического освобождения пролетариата». После свержения самодержавия рабочий класс, безусловно, организуется не как правящий, а как оппозиционный класс. Однако если буржуазии суждено политическое господство, то пролетариат должен превратиться в такую крупную, образованную и умелую силу, чтобы самому стать правящим классом.

В этой связи следует заметить, что Плеханов в условиях политической свободы планировал распространение социалистической пропаганды и в крестьянской среде. То, что социал-демократы не ведут такой пропаганды, борясь с самодержавием, он объяснял ограниченностью сил, которая диктует необходимость использования их там, где это более всего необходимо, т. е. среди промышленных рабочих. Однако затем, при конституционном режиме, с его свободой агитации, социалисты обратят внимание на систематическую пропаганду среди крестьянства. Плеханов видел в рабочем, обладающем классовой сознательностью, идеальное связующее звено между интеллигенцией и крестьянином: «Выброшенный из деревни в качестве обедневшего члена общины», пролетарий вернется в нее «социал-демократическим агитатором»⁶¹.

Этим агитаторам не трудно будет завоевать симпатии аудитории после кампаний представителей социал-демократов в защиту крестьянства в законодательном собрании. Законоодатели-социалисты, предполагает Плеханов, должны добиваться «коренного пересмотра» условий выкупа земли и даже оказывать давление по вопросу о «национализации земли». Другие пункты в его аграрной программе касаются права крестьян на свободу передвижения и отчуждение земли. С такой программой, рассуждал он, социал-демократы могут рассчитывать на укрепление рядов социалистов за счет привлечения беднейших элементов крестьянства. Так будут собираться силы для перехода от буржуазно-демократического строя к социалистическому.

ОСОБЕННОСТИ МАРКСИЗМА ПЛЕХАНОВА

Даже после того, как Плеханов освоил и воспринял ключевые положения марксизма, очень не скоро и с большим трудом удалось ему разработать способы его применения в России. Нельзя недооценить необычность его задачи: то была первая попытка создания марксист-

ской социалистической программы для слаборазвитой страны. Он прекрасно понимал, что марксизм возник в социальных условиях, совершенно отличных от условий современной России. Со временем Плеханов пришел к мысли, что его не трудно будет приспособить к российской действительности. Даже сознавая давние отличия Западной Европы и России в вопросах социально-экономического устройства, он верил, что пропасть между ними сужается. С проникновением капитализма русское общество «европеизируется». Правомерность подобного предположения о дальнейшем пути развития России подчеркивалась им при сопоставлении процессов во Франции, в период революции 1789 года, и последующего опыта деятельности социал-демократической партии Германии. Предвидя, что Россия пойдет по пути, уже проложенному на Западе, Плеханов пришел к выводу о том, что марксизм не менее пригоден для России, чем для западных стран.

Однако утверждение относительно возможности применения марксистской теории при исследовании процессов в России еще не вело автоматически к ее использованию как политической программы. Плеханов знал, что политическая программа марксизма касается перехода от буржуазного государства к социалистическому, и потому некоторое время не был уверен, что марксистская партия сможет играть роль в такой отсталой стране, где еще не произошла буржуазная революция. Если социализм в России можно представить себе только в более или менее отдаленном будущем, не преждевременно ли создавать российскую марксистскую партию? Он склонялся к положительному ответу, пока не обнаружил основу для противоположного мнения на последних страницах «Коммунистического Манифеста». Там несколькими краткими штрихами Маркс и Энгельс набросали тактику социалистической партии в стране (Германия), все еще находящейся под властью абсолютизма. То, что для них было всего лишь побочным замечанием, стало центральной темой политической стратегии Плеханова.

Прежде он рассматривал существование марксистской партии в слаборазвитой стране как некую аномалию, но теперь принял за аксиому, так как возможностей для плодотворной работы было в изобилии. Социал-демократы, более всех других групп, могли ускорить конец абсолютизма, обладая наилучшимarsenalом для пробуждения рабочего класса к политической борьбе. В борьбе против самодержавия социал-демократы помогут рабочим осознать свои интересы, и в момент падения старого режима пролетариат сможет потребовать гражданских

и политических прав и получить их. Деятельность марксистов среди рабочих заложит основы создания социал-демократической партии в самом начале существования нового режима. Ее организационная работа и политические выступления будут не только содействовать повседневной борьбе рабочих за свои интересы, но и облегчат переход от буржуазной конституционности к социализму. Короче говоря, марксистская партия в относительно слабо развитой стране способна значительно ускорить тот политический процесс, который завершится построением социализма.

Фактически Плеханов утверждает, что отсталость — не абсолютный недостаток. Предвосхищая «закон неравномерности развития» Троцкого, он усматривает некоторые преимущества отсталой страны перед более передовой. Например, России не нужно будет досконально повторять историю промышленного развития на Западе, можно сразу взять последние и самые передовые методы. Это ускорит экономическое развитие, российский капитализм созреет быстрее, чем на Западе, и, соответственно, уменьшится срок его жизни⁶². Экономическая отсталость России, считал Плеханов, также объясняет позднее развитие движения против самодержавия. Но, благодаря распространению идей с более прогрессивного Запада на Восток, социалисты в России уже начали действовать до того, как это движение обрело размах. Русским социалистам, появившимся на арене тогда, когда «капитализм еще был в зародыше», не придется действовать методом проб и ошибок, как социалистам на Западе. Они могут непосредственно перенимать опыт рабочего движения и осваивать учение Маркса и Энгельса и, таким образом, осуществить переход к социализму с минимальными затратами времени и сил.

Общее преимущество социалистов в отсталой стране, полагал Плеханов, состоит в возможности понять ход исторического процесса на примере более передовых стран. Таким образом, русским социалистам удастся избежать тех ловушек, которыми изобиловала история западноевропейского рабочего и социалистического движения. И, прежде всего, они смогут вмешиваться в политическую жизнь страны и заложить основы для скорого возникновения самостоятельного движения рабочего класса. По мнению Плеханова, историческое развитие России, в основном, будет таким же, как на Западе, поэтому он пытался внести изменения в политику социалистов. Он не мог поступить иначе, остановившись на марксистской программе для такой слабо развитой страны, как Россия. Однако он не понял, что эти изменения могут со-

здать новые подводные течения, способные совершенно опрокинуть его расчеты.

Его позиция странным образом напоминала позицию народников, которых он так сурово обличал. Народники, и Плеханов в их числе, пока был в их рядах, видели в отставании России возможность использовать все еще существующий колективистский фундамент; таким образом, она, минуя капиталистическую fazu, могла бы прямо перейти к социализму, к которому, по всей видимости, двигалось капиталистическое общество на Западе. Другими словами, они верили, что отсталость России поможет ей перескочить через целый исторический этап прямо к социализму. Как марксист, Плеханов отвергал эту позицию, потому что, по его словам, она не учитывает момент исторического развития, подменяя его волей революционеров. Однако совершенно ясно, что он готов был сочувствовать идеи сокращения, если не полного уничтожения капиталистической стадии развития. И это может быть достигнуто изменением исторического процесса с помощью политической деятельности революционной партии. Конечно, Плеханов резко отдал свое мировоззрение и свою стратегию от народнических на том основании, что волюнтаристская деятельность его революционной партии всегда будет ограничиваться господствующим уровнем экономического развития. По его оценке, именно признание этих границ отличает марксизм от утопистов всех разновидностей. Оно подчиняет революционную волю историческому процессу и его законам, гарантируя, таким образом, разумность марксистской революционной политики. При всем этом совершенно очевидно, что плехановская система содержит элементы и волюнтаризма, и детерминизма, которые ему так и не удалось примирить.

Неспособность Плеханова слить эти элементы воедино имела не только философскую, но и личную основу. Как ведущий представитель «Земли и Воли», он был воплощением боевого духа, революционной страсти и решимости, характерных для Бакунина. Он без колебаний бросался на борьбу, горя решимостью разжечь революционный пожар как можно скорее. Он почти боготворил революционную волю. В последнее время пребывания в «Земле и Воле», очевидно, под влиянием Маркса, он уже ввел в оборот понятие исторического детерминизма, который должен сдерживать революционные фантазии, не имеющие отношения к действительности. Превращение в чистого марксиста, безусловно, сильно укрепило детерминистскую направленность его мыслей. И все же, не замечая этого, он не сумел вполне подчинить

свою революционную волю требованиям исторического процесса в его понимании. В его натуре порой проявлялись элементы якобинства. Это, прежде всего, видно по тому, как Плеханов предлагает изменить исторический процесс посредством политической деятельности интеллигенции; и другие свидетельства проявляются везде, где он рассматривает способ перехода от капитализма к социализму.

Относительно этого перехода, в противоположность его определению перехода от самодержавия к конституционному строю, Плеханов занимал двойственную позицию. Он не сомневался, что при неограниченной единоличной власти завоевание политической свободы потребует силы. Дальнейшие события внутренней экономической и общественной жизни постепенно подготовят путь к социалистической революции. Он предвидел процесс постепенного роста рядов пролетариата в ходе дальнейшего расширения капиталистического производства; сплочения этой растущей силы в сообщество, обладающее классовым сознанием и постепенно приобретающее все большую силу в законодательном органе государства; и, наконец, большинство и политическое господство. С одной стороны, возникает впечатление, что Плеханов предусматривает эволюционный и, возможно, мирный переход к социализму; но, с другой, его брошюры пестрят такими терминами, как «революция», «захват власти», «диктатура пролетариата». Несомненно, волнующие эпизоды, бурные схватки и народные демонстрации Французской революции оказали огромное влияние на его мышление, составив некую модель революции. Как бы то ни было, существует некоторое несоответствие между эволюцией, которую Плеханов описывал, и его революционной страстью.

Другое свидетельство якобинства Плеханова прослеживается в немногочисленных, касающихся международной обстановки, в условиях которой будет проходить русская революция. Ему казалось, что победа пролетарской революции на Западе может сократить фазу капитализма в истории России. У него нет точных указаний, но можно предположить три варианта: (а) если один или несколько победивших революционных режимов прямо вмешаются в войну за социализм; (б) если пролетариат, воодушевленный известиями о победе социализма за рубежом, начнет революционное наступление в своей стране;

* Такие выражения высокого эмоционального накала не употребляются ни в Готской, ни даже в еще более воинственной Эрфуртской программе социал-демократической партии Германии.

или (в) комбинация двух первых вариантов. Любой из них был бы по-разительным отклонением от того подхода к социализму, который почти неизменно предлагал Плеханов. Можно предположить, что он видел возможность социалистической революции там, где капитализм достиг значительных успехов и сформировал пролетариат в достаточном количестве, хотя и не в большинстве, и где рабочие полностью осознали свои классовые задачи и стремятся их реализовать. В этом случае недостаток силы пролетариата может компенсироваться помощью иностранной социалистической державы. На конгрессе Интернационала в 1893 году Плеханов поднял вопрос о такой возможности, приведя в пример распространение идеалов 1789 года революционными армиями французского Конвента в Германии.

Если анализировать марксистские труды Плеханова в целом, можно заметить, что его описание движения к социализму несомненно основано на «естественней» эволюции и в соответствии с законом исторического развития. Но то, что он обозначает как экономические и социальные предпосылки социализма, очевидно, можно изменять при определенных обстоятельствах, делая их менее строгими и обязательными. Несмотря на марксисты уделяли так много внимания проблемам экономического детерминизма, как Плеханов. Но даже ему не удалось добиться полного уравновешивания волюнтаризма и детерминизма, хотя бы на уровне логической аргументации. Насколько вероятнее возникновение дисбаланса на уровне практики! Насколько вероятнее, что другие, менее щепетильные, не смогут сохранить это равновесие! Этому суждено было стать основным несоответствием в самой плехановской системе и постоянной проблемой русской социал-демократии. Снова и снова приходилось Плеханову решать ее. В некотором роде весь путь Плеханова, ученого и политика, проходил в борьбе между сторонниками и противниками утопизма и науки, революционной воли и детерминизма, субъективизма и объективных законов исторического развития.